

Р. А. БУДАГОВ

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЯЗЫК

(Заметки об отношении людей к литературному языку)

1

В спорах, которые ведутся на протяжении многих столетий о том, насколько могут люди воздействовать на свой родной язык, выделяются две основные точки зрения. Одна из них получила наиболее ясное выражение в 70—80-х годах минувшего столетия у младограмматиков, другая (противоположная) — у тех представителей структуралистической лингвистики, которые занимаются разработкой искусственных языков. Согласно первой концепции (если сформулировать ее в нескольких словах), язык развивается независимо от людей, говорящих на нем, согласно второй — язык почти целиком подвержен «разумному регулированию», так как представляет собой чисто формальную конструкцию, которая может создаваться или разрушаться, как и всякие другие конструкции, избранные человеком.

Первая доктрина оказалась уязвимой прежде всего потому, что не учитывала или недостаточно учитывала многообразные виды функционирования языка в обществе, вторая — переносила методы построения искусственных языков на изучение языков естественных, не всегда считаясь с глубоким качественным отличием первых от вторых.

В последнее время, в процессе критики принципа «искусственного регулирования языка», вновь стали возвращаться к первой концепции. «Каждый естественный язык, — говорят сторонники этой новой постановки вопроса, — развивается не по строгим и непротиворечивым логико-математическим программам, а стихийно на протяжении многих столетий, ... испытывая воздействия со стороны разного рода общественных факторов, представляя собой традиционную, полученную в наследство систему со всеми противоречиями, непоследовательностями, „избыточностями“, отклонениями от стандартов и т. д. и т. п. Не случайно, что язык очень мало поддается сознательному регулированию и логическому упорядочению»¹.

Целиком соглашаясь со всей первой частью приведенного положения, нельзя признать справедливым конечный вывод — «язык очень мало поддается сознательному регулированию и логическому упорядочению». Разумеется, такие понятия, как «регулирование» и «логическое упорядочение» по отношению к языку не могут осмысляться в плане механики или формальной логики. Но языки в процессе своего естественного развития подвержены (в определенных сферах и в определенных разновидностях) процессам своеобразного регулирования и своеобразного упорядочения.

¹ См.: Ф. П. Ф и л и н, Проблема социальной обусловленности языка, «Язык и общество. Тезисы докладов». ОЛЯ АН СССР, Институт языкознания АН СССР, М., 1966, стр. 5.

Неправы ученые, ограничивающие пределы воздействия людей на литературный язык лишь научным стилем изложения. Обычно рассуждают так: наука создается человеком, следовательно, и «ее язык» тоже создается человеком. Хотя в области научного стиля изложения влияние человека действительно ощущается сильнее, чем в области некоторых других стилей языка, трудно согласиться с теми, кто готов превратить научный стиль чуть ли не в особый «искусственный язык науки». Как уже приходилось отмечать², всякий подлинно научный стиль, сохраняя свою специфику, вместе с тем прочно связан с литературным языком, на основе которого он формируется и развивается.

Задача последующих строк заключается в том, чтобы, основываясь на истолковании языка не только как «важнейшего средства общения», но и как «действительной реальности мысли», показать т и п ы в о з д е й - с т в и я ч е л о в е к а н а я з ы к, в первую очередь — на литературный язык. Вопросы о причинах языковых изменений я здесь касаться не буду³.

2

Воздействие человека на его родной язык детерминировано прежде всего социальной природой всякого естественного языка. И по этому вопросу в XX столетии отчетливо сформировались две основных концепции социальной природы языка. Согласно одной из них (господствующей), все социальное, что имеется в языке, является результатом действия экстралингвистических факторов, согласно другой — язык социально детерминирован самой своей природой, своими функциями, своим назначением в обществе. Первая концепция представляется неубедительной, вторая — верной и глубокой.

Разумеется, социальная природа разнообразных «институтов», с которыми взаимодействует язык, существенна и для самого языка. Это бесспорно. И в этом плане следует и дальше изучать действие экстралингвистических факторов на язык. Но этого явно недостаточно для осмысления всех особенностей социальной природы языка.

Поясним сказанное двумя элементарными примерами. Отличие разговорной речи от письменной наблюдается во многих языках мира. Само по себе подобное различие стимулируется экстралингвистическими факторами: ситуация, в которой протекает разговорная речь, обычно оказывается иной по сравнению с условиями, способствующими письменному изложению мыслей. Но однажды возникнув, отмеченная дифференциация разговорного и письменного стилей языка начинает характеризовать сам язык, его многоярусную структуру. Поэтому в наше время создаются даже целые книги — «грамматики разговорной речи», отличные от грамматик «вообще», от грамматик общего характера. Сформировавшись на стыке лингвистических и экстралингвистических факторов, различие между разговорным и письменным стилями единого национального языка становится его собственным достоянием. Подобная особенность языка подвижна, она может ослабевать или усиливаться в зависимости от большей или меньшей интенсивности функционирования того или иного конкретного языка.

Второй пример. Профессиональная лексика в любом современном языке обычно возникает под воздействием такого экстралингвистического

² Р. А. Б у д а г о в, Что же такое научный стиль? «Русская речь», 1970, 2.

³ См. об этом, в частности: Р. А. Б у д а г о в, Проблемы развития языка, М.—Л., 1965.

фактора, как профессиональное членение общества. Но сформировавшись, профессиональная лексика затем делается компонентом самого языка, его внутренним достоянием. Разумеется, общественные профессии могут вновь и вновь напоминать о себе, вызывая к жизни новые специальные наименования. И все же новые слова, если они принимаются языком, выступают уже как элементы лексической системы и тем самым перестают быть экстралингвистическим фактором.

Гегель был глубоко прав, когда подчеркивал, что внешнее не только противоположно внутреннему, но и постоянно взаимодействует с ним. Больше того. Внешнее на одном этапе развития выступает как внутреннее на другом, а внутреннее может предстать как внешнее в процессе движения⁴. Поэтому, в частности, неправомерно сводить социальную природу языка к действию на язык лишь экстралингвистических факторов. Социальная природа языка гораздо богаче и многообразнее. Ее ограничение экстралингвистическими факторами не может не снизить значение самой проблемы социальной природы языка для общей лингвистики.

Нельзя согласиться и с теми исследователями, которые недифференцированно или недостаточно дифференцированно анализируют влияние экстралингвистических факторов на язык.

«Под „формами существования языка“...,— читаем в недавно опубликованном коллективном сборнике,— понимаются функциональные подсистемы одного и того же языка, к числу которых следует отнести диалекты, литературный язык (или языковой стандарт), а также различные типы полудиалекта и обиходно-разговорного языка»⁵. Думается, что здесь выстраиваются в одну перенгу качественно различные «формы». Обиходно-разговорный язык (в таких случаях лучше говорить о *с т и л я х* или *ф о р м а х* существования языка, чтобы избежать представления об *о д н о м* *я з ы к е*, как о сочетании *р а з н ы х* *я з ы к о в*—*contradictio in adjecto*) может «укладываться» или почти «укладываться» в рамки литературного языка (языкового стандарта), тогда как любой диалект эти рамки обычно разрывает. Еще важнее другое. Для литературного языка понятие нормы с определенного исторического периода становится важнейшим признаком самого литературного языка, между тем диалекты подобного отношения к норме не знают: норма их функционирования в наше время обычно соотносится с нормой литературного языка и «оценивается» по степени отклонения от этой последней. В современную эпоху вряд ли правомерно рассматривать литературный язык в том же ряду, в котором анализируются диалекты. Не менее существенно и другое: степень сознательного отношения к литературному языку в наши дни обычно совсем иная, чем степень сознательного отношения говорящих к тому диалекту, который принят в их обиходе. В этом втором случае сознательность чаще всего равняется нулю.

В наше время литературный язык гораздо чаще противостоит просторечию, жаргонам и т. д., чем собственно диалектам. И это понятно. Как бы ни было отлично просторечие от литературного языка, оба эти понятия все же находятся в одной плоскости, чего сейчас нельзя сказать о диалектах, хотя исторически и они могли «питать» литературный язык. Различие еще ярче обнаруживается диахронически, в эпоху, когда литературный язык мог не существовать вовсе и когда диалект был «сам себе хозяином», конкурируя лишь с другими диалектами.

⁴ Гегель, Соч., V, М., 1937, стр. 629—635.

⁵ М. М. Г у х м а н, Н. Н. С е м е н ю к. О социологическом аспекте рассмотрения немецкого литературного языка, сб. «Норма и социальная дифференциация языка», М., 1969, стр. 7, примеч. 9.

Затронутый вопрос представляется важным в связи с различным истолкованием социальной природы языка.

Чем больше «формы существования» единого языка будут рассматриваться в одной шеренге экстралингвистических факторов, тем больше сами эти факторы выступают как бы «безлико» (все то, что не относится к внутренней структуре языка в собственном смысле). Напротив, чем дифференцированнее анализируются подобные факторы, тем многообразнее и сами «формы существования» языка. Их социальная обусловленность перестает казаться чересчур общей. Она предстает в своих действительно разнообразных видах.

Дифференциацию типа «литературный язык — диалект» можно назвать экстенсивной, а дифференциацию типа, например, «литературный язык — просторечье» или «разговорный стиль языка — письменный стиль языка» — интенсивной. Терминологическое разграничение должно показать качественное несходство многообразных «форм существования» и функционирования одного и того же языка. И здесь обнаруживаются не только экстралингвистические (внешние) расхождения, но и расхождения чисто лингвистические (внутренние). Их нетрудно показать на конкретном материале различных языков⁶.

3

Вопрос о возможности воздействия человека на его родной язык не может быть убедительно исследован до тех пор, пока само понятие «язык» рассматривается нерасчлененно. Для определенных целей следует уметь анализировать язык не только как целостное явление, но и как явление, выступающее в самых различных формах своего существования и функционирования. Подобное «расчленение» необходимо, в частности, для уяснения путей возможных воздействий людей на язык, на те или иные формы его бытования.

В начале нашего столетия возникли острые дебаты между главой младограмматиков Г. Паулем и главой психологической лингвистики того времени В. Вундтом. Первый утверждал, что несмотря на независимость языка от людей, на нем говорящих, все же индивидуальные отклонения от нормы в конце концов оказывают влияние и язык «сдвигается» в ту или иную сторону. Второй ученый резко возражал против подобной концепции развития. Вундт подчеркивал, что язык ни в какой степени не зависит от людей, на нем говорящих. Язык — это одна из форм выражения народной психологии, подобно «правам и мифам». Язык тем и отличается от литературы и искусства, что лишен «личного начала», столь существенного в сфере этих последних «духовных форм». У Пауля язык в конце концов попадал в зависимость от людей, у Вундта — в зависимость от коллектива, который исключает проявление всякой индивидуальной воли⁷.

⁶ См. новую постановку вопроса в американской социолингвистике, где социальное в целом сводится к экстралингвистическому (сб. «Sociolinguistics. Proceedings of the UCLA Sociolinguistics conference, 1964, ed. by W. Bright, The Hague — Paris, 1966, и др.). Американские ученые считают, что термин «социолингвистика» возник лишь в 1952 г. (стр. 11 указ. сб.). Между тем изучение социальных функций языка в советской лингвистике велось уже с конца 20-х — начала 30-х годов (см., в частности: Л. Якубинский, Ф. де-Сосюр о невозможности языковой политики, сб. «Языковедение и материализм», II, М.—Л., 1931, стр. 91—99). См. об этом направлении советского языкознания: В. М. Жирмунский, Проблемы социальной диалектологии, ИАН ОЛЯ, 1964, 2 стр. 102 и сл.

⁷ W. Wundt, *Völkerpsychologie*, 4. unveränderte Aufl., Stuttgart, 1921, I, 1, стр. 18—25. О полемике между Паулем и Вундтом см.: Д. Кудрявский, Психология и языкознание, ИОРЯС, IX, кн. 2, 1904, стр. 177—190.

Этот спор, в свое время весьма горячий, сейчас не может не казаться несколько схоластичным. В наше время едва ли правомерно прямолинейное противопоставление коллективного и индивидуального «начал» в языке вообще. В языке есть и то и другое, причем «и то и другое» детерминировано социальной природой самого языка. Дискуссия такого рода не может быть плодотворной и по другой причине. В подобных случаях язык нельзя анализировать суммарно, нерасчлененно, без учета многообразных форм его существования, без понимания особенностей функционирования его литературной формы (литературного языка).

Еще в начале нашего столетия всякий литературный язык казался многим лингвистам совершенно искусственным образованием. Отражая эту точку зрения, русский ученый А. И. Томсон писал, что литературные языки так же мало интересны для лингвиста, как оранжерейные растения — для ботаника⁸. По этой же причине иронически оценивал проблему литературных языков и Бодуэн де Куртенэ. Не представлялась она существенной и Соссюру, который выводил ее за пределы задач «внутренней лингвистики». Швейцарский ученый решительно сводил на нет роль всякого сознательного отношения к языку⁹.

При такой ошибочной оценке литературного языка не могла быть, разумеется, правильно поставлена и сама проблема воздействия людей на язык, так как именно в сфере литературных языков подобное воздействие оказывается наиболее очевидным и наиболее многообразным.

Обратимся к истории. Для Западной Европы период интенсивной «обработки» литературного языка относится к XVI и особенно к XVII вв., когда стали закладываться основы современной науки. XVII столетие представлено такими блистательными именами, как Галилей, Декарт, Спиноза, Паскаль, Ньютон, Лейбниц, Торричелли, Ферма, Гюйгенс и другие. Формируются принципы нового понимания природы и человека¹⁰. Резко обостряется вопрос о том, как и на каких языках выражать новые идеи, новые теории, новые наблюдения. Латынь как интернациональный язык науки стала все больше обнаруживать свои неудобства. Требовались новые слова, новые обороты, новый синтаксис. Нужна была и новая аудитория, для которой латынь не всегда оказывалась доступной. Еще важнее другое: наука постепенно становится частью общей культуры народа и поэтому она начинает «требовать» для себя того же языка, на котором уже значительно раньше создавалась художественная литература. С 1665 г. в Европе начинают выходить первые научные журналы. Между тем стиль научного изложения на родных языках почти вовсе не имел национальных традиций. Его приходилось создавать заново. Здесь-то и открывались широкие возможности воздействия на литературные языки европейских стран.

Не случайно, что первые европейские академии организуются с конца XVI в. Первоначально они занимались почти исключительно филологическими проблемами. Надо было «упорядочить» свой родной язык и постоянно поощрять появление национальной литературы. Итальянская академия, одна из самых старых в Европе, называлась «Академией отрубей» (*Accademia della Crusca*). Название имело символический характер: устанавливая норму литературного языка, требовалось «просеять язык», как просеивают муку, отделяя отруби. Аналогичные символические названия стали получать позднее и академии в других странах¹¹.

⁸ А. И. Томсон, *Общее языкознание*, 2-е перераб. и доп. изд., Одесса, 1910, стр. 4.

⁹ См. об этом: Л. Якубинский, указ. соч.

¹⁰ См. сб. «У истоков классической науки», М., 1968.

¹¹ В. Migliorini, *Storia della lingua italiana*, 2. ed., Firenze, 1960, стр. 358—359.

Сходную задачу должна была решить и французская академия, учрежденная в 1634 г. «Создать словарь языка» и «начертать его грамматику» — цель академии того времени. При этом первые академики не сомневались, что с такой задачей они справятся «раз и навсегда»¹². И это понятно: в эпоху, когда исторической концепции языка еще не существовало, «упорядочение языка» толковалось вне времени. Само же желание «упорядочить язык» было так велико, что даже в странах, где аналогичных лингвистических академий не существовало (как, например, в Англии), сходные мысли настойчиво защищались теоретиками языка, писателями, государственными деятелями¹³.

В XVI — XVII вв. образовалась своеобразная ситуация: с одной стороны, эпоха требовала обращения к родному языку во всех сферах общения, в том числе и в науке, с другой — не было уверенности, что «вульгарные языки» с этой задачей справятся. Создав книгу на французском языке, Монтень в 1588 г. сетовал: «Я пишу свои „Опыты“ для немногих людей и не на долгие годы. Если бы их содержание предназначалось для длительного времени, то книгу следовало бы доверить более прочному языку (*à un langage plus ferme* — имелась в виду латынь. — Р. Б.). Судя по непрерывным изменениям нашего языка, кто может предположить, что его настоящая форма сохранится через 50 лет... За время моей жизни язык изменился наполовину»¹⁴.

Возникла общая задача: сделать так, чтобы родной язык «не изменялся быстро», «упорядочить его», превратить в достойное средство выражения не только нужд повседневного общения, но и отвлеченных мыслей, научных теорий, всего того, над чем человек думает и размышляет. Отсюда и воздействие на литературный язык. Этим же объясняется и появление в различных странах Европы многочисленных манифестов в «защиту и прославление» родного языка. К этой же цели стремились и организованные в ту эпоху филологические академии. Работа приносила свои плоды: стали публиковаться грамматики «вульгарных языков», выходить словари, «поэтики», всевозможные «разъяснения», относящиеся к языку, и т. д.

В некоторых странах процесс «обработки» литературного языка проходил и позднее. Созданная в 1783 г. Российская Академия должна была «составить русскую грамматику, русский словарь, риторику и правила стихотворства»¹⁵. И в России первые задачи, поставленные перед Академией, имели чисто филологический характер. Работа над литературным языком приобретала огромное национальное значение. Это отлично понимали крупнейшие русские писатели и ученые того времени. «Шлифовка» языка предполагала и его дальнейшее развитие и совершенствование.

Позднее, в 1825 г. Пушкин писал: «Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъясняются; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных...»¹⁶. Пушкин прямо ставит вопрос об исключительной важности

¹² G. Matoré. Histoire des dictionnaires français, Paris, 1968, стр. 62—86.

¹³ В. Н. Ярцева, Развитие национального литературного английского языка, М., 1969, стр. 195—198.

¹⁴ M. Montaigne, Oeuvres complètes, V, Paris, 1925, стр. 112.

¹⁵ М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, СПб., 1874, стр. 14. См. также: Ф. А. Витберг, Ревнители русского слова прежнего времени, СПб., 1899, стр. 75—83 («Чтения и беседы в Союзе ревнителей русского слова», I).

¹⁶ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, 2-е изд., изд-во АН СССР, 1958, т. VII, стр. 31.

«обработки прозы» для того, чтобы «ученость, политика и философия» находили свое выражение на родном языке.

Вся предшествующая «обработка» русского литературного языка, начиная, примерно, с середины XVIII столетия, помогла и самому Пушкину. Уже в 1832 г. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине», отмечая, что в сочинениях поэта «заклучилось все богатство, сила и гибкость нашего языка», вместе с тем подчеркивал: Пушкин «раздвинул ему (языку.— Р. Б.) границы и более показал все его пространство»¹⁷. Гоголь тонко понимал роль великого писателя в развитии литературного языка.

Необходимо, разумеется, различать деятельность так сказать «чистых» законодателей языка от деятельности больших писателей и ученых, которые оказывают воздействие на литературный язык прежде всего своими сочинениями, своей практикой. Одно дело давать «рекомендации языку» с помощью специальных лингвистических трактатов, другое — влиять на язык, раздвигая «его пространство» самими художественными или научными сочинениями, получающими резонанс в обществе. В истории разных культур бывали, однако, и такие периоды, когда деятельность «чистых» законодателей языка тоже приобретала важное общественное значение.

4

Современники обычно неодинаково оценивали роль подобных законодателей или реформаторов литературного языка. Некоторым сверстникам Малерба (1555—1628) казалось, что он «кастрирует язык», лишает его «свободного полета». Другим, напротив, все суждения Малерба о языке представлялись мудрыми и справедливыми. Еще отчетливее сформировались два противоположных лагеря, когда вышла в свет книга грамматиста Вожла «Замечания о французском языке» (1647). Но к этому времени у Вожла оказалось уже больше сторонников, чем противников, несмотря на то, что автор «Замечаний» предлагал решительную регламентацию грамматики. Целая буря разразилась после обнародования «Поэтического искусства» Буало (1674), но и у Буало обнаружилось больше союзников, чем критиков, хотя в его сочинении речь шла уже не только о регламентации языка, но и о кодификации стиля, поэтики в широком смысле¹⁸.

Все это отнюдь не случайно. Законодатели языка всегда имели успех тогда, когда их деятельность соответствовала «духу» времени. Сама эта деятельность могла — и может и в наше время — оцениваться положительно или отрицательно в зависимости от того, кто, в какую эпоху, с какими целями и насколько убедительно стремится оказать воздействие на литературный язык. Не менее существенны последствия подобного воздействия любого литературного языка различные типы его «обработки» неизбежны, а часто и необходимы. Это вызвано общественным стремлением либо сохранить известное единство литературного языка, либо способствовать его же дальнейшему развитию, либо и тем и другим одновременно (изменяясь, литературный язык в каждую эпоху не лишается и некоторой целостности).

Широко распространенное мнение, будто всякая регламентация литературного языка мешает его развитию, ошибочно не только теоретически, но и исторически. Стоит напомнить, например, позицию Данте по отношению к итальянскому языку, Пушкина — по отношению к русскому язы-

¹⁷ Н. В. Г о г о л ь, Сочинения, редакция Н. С. Тихонравова, СПб., 1901, т. 9, стр. 227.

¹⁸ M. R a t, Grammairiens et amateurs de beau langage, Paris, 1963, стр. 68—72.

ку, Караджича — по отношению к сербскому языку, Эминеску — по отношению к румынскому языку и т. д. Такие писатели способствовали и укреплению единства литературного языка, и его же дальнейшему, быстрому и плодотворному развитию. Гоголь, так много сделавший казалось бы для «распатывания» старых языковых норм, вместе с тем горячо выступал против «искажения истинного значения коренных русских слов» (в заметке «Объявление об издании русского словаря»). И здесь не было никакого противоречия.

Если не выходить в этих строках за пределы стран Европы, то можно сказать, что и в наше время везде имеются специальные средства воздействия на литературный язык. Не говоря уже о влиянии со стороны выдающихся представителей художественной литературы, науки и публицистики, следует отметить и роль научных и научно-популярных журналов и исследований, специально посвященных норме национальных языков.

Однако современные литературные языки подвержены воздействию двойного рода процессов, которые нередко кажутся несовместимыми. Подобные процессы — дифференциации и интеграции — в действительности дополняют и обогащают друг друга, превращая язык в «живое тело».

Дело в том, что и в наши дни единый литературный язык продолжает «дробиться» на многообразные формы своего существования. Письменная речь становится все менее похожей на речь разговорную, а эта последняя в свою очередь может выступать в разном облике: литературная разговорная речь, просторечье, арголическая разговорная речь и т. д. Не удерживается в своем единстве и письменная речь, выступая в той или иной своей разновидности. Казалось бы единство литературного языка утрачивается. Но это не так. Чем больше усиливаются дифференциальные тенденции, тем очевиднее им противостоят тенденции интегральные, способствующие целостности литературного языка. Рост грамотности, проникновение газет, книг и журналов в разные социальные слои общества, возрастающая роль науки и техники, радио, кино и телевидения — все это не может не поддерживать известную целостность литературного языка.

Разумеется, и этот второй процесс нельзя понимать прямолинейно. Не говоря уже о разной степени грамотности разных классов общества в условиях современного мира, процесс «технической унификации» сложен и противоречив. Газета и книга — казалось бы, верные носители единого литературного языка, — нередко сами впитывают в себя арголическую и даже диалектную речь, поддерживая тем самым дифференциальные лингвистические тенденции. То же следует сказать о радио и телевидении, в особенности, когда выступают непрофессиональные дикторы, и т. д. В свое время Бернард Шоу подчеркивал, что «средний англичанин не любит говорить правильно по-английски; на каждую 1000 человек в Лондоне 999 говорят плохо»¹⁹.

Дело не в том, разумеется, что люди просто «не любят» говорить правильно. Проблема гораздо сложнее. В каждом конкретном случае следует разыскать свою причину подобной «не-любви».

Приведу здесь лишь один пример, относящийся к лексике. Д. С. Лихачев, обобщая свои наблюдения над некоторыми видами русского арго 20-х — начала 30-х годов, подчеркивал, что арголические наименования часто возникают в силу определенных социальных причин. Так, в частности, если та или иная работа выполняется иногда плохо, то ее перестают называть *работой* и находят для нее другие, обычно быстро сменяющие друг друга наименования. Отсюда и чисто социологический вывод иссле-

¹⁹ См.: Э. Хьюз. Бернард Шоу, М., 1966, стр. 246. Ср. также центральную тему «Пигмалиона» Б. Шоу (1912).

дователя: там, где бытуют арготические наименования работы или ее продуктов, там сама работа обычно выполняется недостаточно добросовестно. Ее как-то даже неловко называть ответственным словом *работа*²⁰.

Таковы лишь некоторые особенности и тенденции, способствующие дифференциации языка. Не менее ярко обнаруживаются и силы, поддерживающие единство языка. Литературный язык, несмотря на всю его «многослойность», обычно выступает теперь как средство общения большинства людей данного коллектива, объединенного данным языком. Этим в первую очередь и детерминируется его единство, несмотря на многообразие отдельных форм его же бытования и функционирования.

5

Вернемся к основной теме данной статьи с тем, чтобы показать типы отношений людей к их родному литературному языку, которым они владеют или должны владеть в той или иной степени. После всего сказанного, это сделать теперь легче.

Известно, что люди обычно говорят «бессознательно». Чтобы попросить кого-то *отпереть* или *запереть* дверь, *принести* или *отнести* хлеб, *накрыть на стол* или *проветрить комнату*, вовсе нет надобности специально обдумывать слова, выражения и конструкции, которые при этом употребляют. Здесь родной язык «действует» как бы бессознательно: он «подсказывает» нам все необходимое для простейших видов общения. «Механизм» подобных коммуникаций складывается так, что у говорящих создается убеждение в полной автономности самих коммуникаций.

Необходимо, однако, сразу же уточнить, что следует понимать под автономностью и бессознательностью подобных коммуникаций. В разговоре обычно нет различия между *заприте дверь* или *дверь заприте*. Но в том же разговоре уже намечается различие между *заприте дверь* и *дверь, пожалуйста, заприте*. Два последних предложения сейчас же обнаруживают несходство в воспитании говорящих, в их общей манере «держат себя» в процессе коммуникации.

Всегда приходится слышать: подобные различия относятся к людям, а не к их языку. Но возражения такого рода бьют мимо цели, ибо, действительно относясь к людям, несходства упомянутого типа относятся и к языку. Говорящие по-разному используют ресурсы языка, следовательно и их позиция в сфере литературного языка оказывается несходной. Лингвист имеет полное право интересоваться не только языком, но и отношением человека к этому языку. Больше того. Без освещения второго вопроса и первый получает одностороннее истолкование. Язык описывается сам по себе, как бы вне «человеческого» его восприятия. Между тем сама проблема «человек и его язык» должна опираться не только на описание функционирования языка, но и на осмысление подобного функционирования людьми определенной эпохи и определенного общества, независимо от того, являются ли эти люди писателями или «просто говорящими». До последнего времени лингвистика и стилистика интересовались почти исключительно первыми и очень мало — вторыми.

Между тем выбор «вежливой» или «невежливой» формы и шире — выбор той или иной формы или конструкции — передает не только вкусы отдельных людей, но и языковые навыки отдельных классов общества или всего общества определенного исторического периода.

²⁰ Д. С. Лихачев, Арготические слова профессиональной речи, сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964, стр. 353.

Весьма старое и несколько наивное представление о языке как «о мыслях, выраженных словами», оказывается близким к истине в чисто понятийном плане: даже элементарная языковая коммуникация обычно обусловлена содержанием, которое передается с ее помощью. Но содержание, детерминирующее коммуникацию, все же обычно не определяет всех возможных структурных типов самой коммуникации. Именно здесь, в выборе структуры коммуникации, обнаруживается сложное взаимодействие сознательного и бессознательного «начал» в процессе языкового общения.

Сфера действия бессознательного резко суживается в письменном стиле языка. В рассказе А. П. Чехова «Ванька» малограмотный мальчик должен был все основательно обдумать, прежде чем засесть за письмо к дедушке. Знаменитый адрес на конверте («На деревню дедушке») был введен мальчиком тоже после размышлений. Уже на совершенно другом уровне Обломов у И. А. Гончарова не любил писать прежде всего потому, что всякое «писание» требовало «усилия мысли». И не только обдумывание содержания, но и формы его выражения. Без этого второго условия всякий раз возникала «близкая и неприятная встреча двух *которых* и двух *что*» («Обломов», ч. 2, гл. 10). В письменном стиле языка у людей, получивших известное образование (даже элементарное), сфера бессознательного заметно ограничивается не только содержанием коммуникации, но и формой ее выражения («так нельзя, а надо так-то»). «Можно сказать, — писал по другому поводу Л. В. Щерба, — что интересы понимания и говорения прямо противоположны, и историю языка можно представить как постоянное возникновение этих противоречий и их преодоление»²¹.

Разумеется, и в письменном стиле языка могут быть разные градации. Чеховский мальчуган стремился лишь к тому, чтобы его правильно понял дедушка. Но и это выразить оказалось не так просто. Заботы Обломова гораздо сложнее. Ему недостаточно, чтобы его только правильно поняли. Он стыдится возможного столкновения двух *которых* и двух *что*. Возникает новый вопрос — как выразить свои мысли и чувства на бумаге? Без активного отношения к литературному языку (отбор и «расстановка» его категорий и ресурсов) ответить на поставленный вопрос невозможно. И дело здесь не только в степени образованности человека, но и в целях, к которым стремится его коммуникация.

Вполне закономерно поэтому, что степень сознательного отношения к языку должна неизмеримо возрастать у писателей. В первую очередь у них культура языка становится одним из важнейших компонентов художественного мастерства вообще. И тем не менее так оказывалось далеко не всегда. Авторам средневековых художественных произведений еще не был известен в полной мере самый принцип «шлифовки» языка. Этот принцип оформляется гораздо позднее. Даже Дидро считал возможным ставить свое имя на сочинениях, написанных в совершенно другой литературной манере и другим стилем, чем его собственные книги. Последовательно сознательное и активное отношение к языку как важнейшему компоненту художественной литературы вообще устанавливается в Западной Европе и России лишь в конце XVIII и в начале XIX столетия. Отдельные исключения — они наблюдались в разных странах — лишь подтверждают общее правило²².

Отношение к языку у крупнейших писателей нового времени обычно перерастает в воздействие на язык, особенно в «поворотные» эпохи становления и развития самого литературного языка. Напомним еще раз

²¹ Л. В. Щерба, О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. «Изв. АН Отд. общ. наук», 1931, 1, стр. 119.

²² См. об этом подробно: Р. А. Будагов, Литературные языки и языковые стили, М., 1967, стр. 165—196, 312—325.

замечание Гоголя о Пушкине, который «раздвинул границы» языка и «показал все его пространство».

Так намечаются четыре основных типа отношений людей к своему литературному языку. Первый из этих типов обычно обнаруживается на уровне разговорной речи, второй — на уровне письменной речи, третий — тоже на уровне письменной речи, но выступающей как специальное занятие пишущего и, наконец, четвертый — тоже на уровне письменной речи, но «преобразующейся» в язык художественной литературы.

Между этими четырьмя типами отношений наблюдаются различные переходные случаи. Так, например, язык сочинений больших ученых может предстать в совсем ином виде, чем язык повседневных деловых сообщений или деловых «бумаж», хотя все они принадлежат письменному стилю. Еще больше градаций в языке художественной литературы нашего времени. И все же, несмотря на эти различия, несмотря на множество групп и переходных случаев, отмеченные четыре типа отношений людей к своему литературному языку остаются наиболее характерными.

Уже В. Гумбольдт верно заметил, что язык должен быть «и народным и образованным». Для этого необходимо непрерывное движение языка «... от народа в руки писателей и грамматиков, а от них обратно в уста народа»²³. Можно лишь уточнить: по мере того, как литературный язык в той или иной степени делается достоянием народа, сам такой язык начинает развиваться и «обрабатываться» в процессе функционирования в обществе. На литературный язык начинают оказывать воздействие не только «писатели и грамматики», но и все люди, на нем говорящие. Наблюдаются лишь различные типы подобного воздействия, подобного отношения к «обработанному» языку.

В свое время К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» подчеркивал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно...»²⁴. Это замечание не утратило всей своей силы вплоть до нашего времени. Применительно к лингвистике можно сказать, что и язык до самого последнего времени анализировался главным образом в форме объекта. Его важнейшая «деятельная» функция в обществе, в истории культуры, в истории формирования самого человека изучена все еще очень мало.

«Деятельная» функция языка — двусторонняя функция. Она обнаруживается не только в активности самого языка (с его помощью как бы закрепляются и дальше развиваются человеческие знания и опыт), но и в активном отношении людей к языку, на котором они говорят. В предшествующих строках речь шла лишь об этом втором аспекте языковой активности.

Иногда считают, что «деятельную» функцию языка начали изучать с того времени, когда Соссюр разграничил язык и речь. Вся беда, однако, в том, что в подавляющем большинстве работ, посвященных языку и речи, проблема стала освещаться односторонне: получалось так, будто бы язык активен лишь в сфере речи, в сфере конкретных речевых ситуаций, и остается «абстрактным и пассивным» во всех случаях, когда он является собственно языком. Тем самым активность языка начала пониматься весьма

²³ В. фон-Гумбольдт, О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Перевод П. Вильярского, СПб., 1859, стр. 186.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 3, 2-е изд., М., 1955, стр. 1.

односторонне. Она до сих пор часто выводится за пределы *языка* (*la langue* у Соссюра) в собственном смысле этого слова²⁵.

Здесь вновь нельзя не вспомнить Гумбольдта, который, постоянно подчеркивая — язык не эргон, а энергия, — распространял «энергию» на весь язык, на все сферы его функционирования и развития.

Тема «Человек и его язык» еще ждет своих исследователей. В предшествующих строках были намечены отдельные части этой большой темы, в которых речь шла лишь об отношении людей к их литературному языку.

²⁵ Обзор гипотез о языке и речи см.: В. Я. М ы р к и н, Различные толкования соотношения: язык — речь, «Ин. яз. в шк.», 1970, 1; Ю. С. С т е п а н о в, Основы языкознания, М., 1966, стр. 187 и сл. В последние два десятилетия активная функция языка разрабатывается Л. Вейсгербером и его учениками. К сожалению, однако, в их концепции (несмотря на множество отдельных верных и интересных наблюдений) язык изучается не столько в связи с деятельностью человека, сколько выступает в роли демиурга самой этой деятельности. Тем самым еще раз подтверждается справедливость только что приведенных общих замечаний К. Маркса. См. материалы этой научной школы в сб. «Sprache — Schlüssel zur Welt. Festschrift für L. Weisgerber», Düsseldorf, 1959. Ср. также разработку гипотезы Сепира — Уорфа (сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 111—124) и статью Э. Косериу в сб. «Ursprung und Wesen des Menschen», Tübingen, 1968, стр. 67—79.